

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Емельянов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Лаврентьева М. Ю.

И. А. ГУЛЬЯНОВ — ПЕРВЫЙ РУССКОЙ ЕГИПТОЛОГ.

М.: Ретроспектива, 2024. 286 с.

История востоковедения знает немало монографий об ученых, достигнувших в своей научной области больших научных результатов. Однако весьма редки в ней работы, посвященные деятельности неутомимых тружеников, искренне заблуждавшихся в своем научном поиске. Еще реже работы о научных неудачах востоковедов, которые бы положительно отражались на интересе национальных культур Европы к странам Востока. Таким редким и оттого захватывающим примером стала недавно вышедшая книга египтолога М. Ю. Лаврентьевой, посвященная жизни и научной деятельности Ивана Александровича Гульянова (1786–1842), которого автор назвала «первым русским египтологом». Если сама эта монография, бесспорно, является полезным для истории науки трудом, то эпитет Гульянова в ее заглавии мы позволим себе подвергнуть сомнению.

Автор монографии провела большую работу в российских архивах, и вслед за А. М. Куликовой, впервые осветившей для нас биографию Гульянова, обнаружила множество новых сведений о жизни этого своеобразного человека. Начало XIX века было щедрым в России на разнообразных чудаков, занимавшихся всем подряд — науками, искусствами, просветительской деятельностью, театром, масонской философией. Их чудачество объясняется слабым развитием науки в российских университетах, преобладанием поэтического мышления в гуманитарных науках, но в первую

очередь — домашним образованием дворянских детей, которых хорошо учили языкам и закону Божию, но плохо образовывали в области истории и хронологии ее событий. Гулянов стал типичным представителем той эпохи, когда, по слову Пушкина, дворян обучали «чему-нибудь и как-нибудь». Будучи отпрыском валашского князя Маврокордато, грека по происхождению, он, сверстник Гнедича и Жуковского, получил только домашнее образование, и вследствие этого в его голове не оказалось четкого представления о следовании исторических эпох и культурных изобретений. Гулянов очень рано оказался на дипломатической службе и дослужился до коллежского советника, а впоследствии был избран в Российскую Академию. Половину жизни он прожил за рубежом, в Россию выбирался редко. Выдающиеся лингвистические способности позволили ему изучить множество языков и письменностей Запада и Востока. Свои труды он писал по-французски, лишь изредка переходя на русский в модных российских журналах. Он был нагружен тем же культурным багажом, что и Шампольон. И это позволило ему вступить в длительную научную дискуссию с основателем египтологии еще в те времена, когда истинность дешифровки Шампольона не была признана научным сообществом. Шампольон сперва отвечал ему, а потом перестал. Один раз они могли даже встретиться, но не случилось.

В монографии впервые подробно разбираются основные идеи и аргументы Гулянова. Оппонент Шампольона утверждал, что египетские иероглифы были буквами, происходившими от финикийского или самаритянского алфавита, и служили тайнописью для жрецов. Каждое слово обозначалось по начальной букве. Сами же слова, представлявшие тайные сочетания букв, он считал именами нечистых духов. В результате таких умствований Гуляновым была составлена целая «гиероглифическая азбука» (что, разумеется, является оксюмороном). Доказательству этих нехитрых тезисов были посвящены все три тома сочинения, направленного против дешифровки Шампольона. Перед нами довольно странная смесь знаний и суеверий. С одной стороны, Гулянов был отлично знаком с семитскими письменностями и языками.

С другой стороны, Гулянов был лишен исторического сознания. Он не понимал, что абстрактное письмо не может предшествовать рисуночному, что религиозные культы исторически меняются, что для уяснения звучания египетского языка нужно учить не семитские языки, а коптский. Между тем, Шампольон в ответе на критику Гулянова прямо указал, что его оппонент не знает коптского языка и алфавита. Наивная религиозная вера Гулянова, его консерватизм, подозрительное отношение к масонам привели его к убеждению, что все языческие жрецы занимались мошенничеством и писали под видом божественных имен имена бесов. Как тут не вспомнить Гераклита, утверждавшего, что многознание не научает уму! Будучи одним из самых больших эрудитов своей эпохи, Гулянов не смог стать ученым-исследователем. Даже после смерти Шампольона, видя, как его метод торжествует по всей Европе, он не отказался от своих заблуждений. Хотя для ученого было бы неизбежно отказаться от заблуждений и делать новые открытия на основе верного метода своего коллеги. И любой настоящий ученый поступил бы именно так: отказавшись от неверного пути, пошел бы по истинному и преумножил бы знания в своей области. Однако Гулянов был упрям, и в результате ни одного египетского текста, даже ни одного знака он не прочитал верно.

Отсюда понятно, что Гулянова нельзя назвать египтологом. Кто же он? Пожалуй, первый русский египтоман. Его увлечение оказало определенное влияние на русскую культуру. Гулянов был известен Карамзину, сошелся с Чаадаевым, Погодиным, Грановским, и несколько раз встречался с Пушкиным. Через него русские журналы получали всю новейшую информацию о Египте и о дешифровке иероглифов. Именно его отношения с Пушкиным, на наш взгляд, и указывают на главный талант Гулянова — талант эмпатии. Этот чужак внезапно проявил к поэту удивительное сочувствие, и как раз в тот момент, когда Пушкину было максимально плохо — перед его женитьбой. В этот период жизни поэта, сопровождавшийся самыми неприятными сплетнями, Гулянов послал ему анонимное стихотворение с поддержкой и ободрением. Несказанно обрадованный Пушкин ответил Гулянову

своими стихами «К анониму», и между ними завязались личные отношения, продолжавшиеся до 1832 года, когда Гюльянов навсегда покинул Россию. Гюльянов уже хотя бы за то достоин книги, что в 1830 году, когда кругом говорили, что Пушкин исписался, он был абсолютно убежден в его гениальности и немеркнувшей славе, и вовремя подал руку помощи. Такого необычного участия не проявил тогда никто.

Но здесь мы подходим ко второму спорному моменту книги. Автор старается уверить читателя в том, что Пушкин проявил интерес к Египту именно из-за Гюльянова. Однако этому противоречат многие факты, и главный из них — написание стихов о Клеопатре в 1824–1828 гг., за много лет до встречи с Гюльяновым. Разумеется, беседы с европейски образованным эрудитом были очень важны для невыездного поэта, однако не следует преувеличивать его роль в пушкинском познании древностей. Как египтолог, Гюльянов не мог ему дать ничего, кроме своих заблуждений, а с античными источниками о Египте Пушкин был хорошо знаком и до этого. Автор книги верно замечает, что пушкинское представление о пирамидах связано с образом вечности. В черновике «Осени» пирамиды так и называются «вечности символы». Вместе с тем, остроумной кажется нам догадка М. Ю. Лаврентьевой о том, что Пушкин мог нарисовать пирамиду под влиянием не только изображений во французских альбомах, но и слов Гюльянова про свои труды по дешифровке как про пирамиды. След этого разговора мог отразиться в «быстром карандаше» поэта. Обоснованным видится и скепсис автора книги насчет гипотезы, что на рисунке Пушкина изображена пирамида Джосера. Никаких оснований для этого нет.

Представляются справедливыми слова автора, что подлинный разбор бумаг и книг Гюльянова может сегодня осуществить только такой историк России начала XIX века, который в одинаковой мере знает европейские, античные и восточные языки. Однако уже по опубликованным в Приложении документам понятно, что Гюльянов так и не вышел на правильный путь научного исследования. Тем не менее, заслуживают внимания несколько находок, раскрывающих человеческую личность Гюльянова. Это его

предположительный силуэт, судебные документы об инциденте со станционным зрителем, личные письма и стихи. Именно через стихотворения Гульянова мы можем в полной мере осознать трагедию его жизни. И надо сказать, что книга М. Ю. Лаврентьевой полна сочувствия и милосердия к несчастной судьбе одинокого чиновника, постоянно страдавшего от разных болезней, обойденного по службе и потерпевшего поражение в главном деле своей жизни. Это замечательная история личности, которая осталась в русской культуре не портретом, а силуэтом, да и то предположительным, и подлинно проявилась лишь в сочувствии — к гению русской литературы и к своей несчастной судьбе.

Достоинство удивления отсутствие в книге упоминаний о статье О. Д. Берлева по истории русской египтологии, в которой дана верная характеристика места И. А. Гульянова в русской египтологии, и о книге Л. Г. Пановой «Русский Египет», где есть целое исследование образов Египта в русской культуре начала XIX века. Однако спорные тезисы и недостатки издания не умаляют его достоинств. Книга М. Ю. Лаврентьевой, без сомнения, является полезным трудом в области психологии научного исследования и поучительным христианским чтением, заставляющим каждого читателя задуматься об истинности своего пути. И. А. Гульянов, не найдя правильного пути в науке, обрел его в сочувствии ближнему и в просвещении своего века.

Автор / Author

Емельянов Владимир Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Emelianov Vladimir — Dr. Sci. in Philosophy, Professor at the Department of Hebrew Studies and Semitology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

E-mail: banshur69@gmail.com

ORCID 0000-0002-5824-8792